

УДК: 111.82

Облова Л.А.

*Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова***МЕТАФИЗИКА ИНОГО ПРОСТРАНСТВА**

В статье исследуется метафизический элемент иного пространства. Автор проводит различие между миром деятельности и миром объектов. Описываются разные способы их существования. Через обращение к символам спортивных и культурных игр, анализируется следствие допуска онтологической абстракции существования. Выводятся конструктивный и поддельный способы реализации человека, как мыслящего существа.

Ключевые слова: *иное пространство, нечто, эмпирия, деятельность, предметность, игра, игрок.*

Облова Л.А. Метафізика іншого простору. *В статті досліджуються метафізичні виміри іншого простору. Авторка проводить різницю між світом діяльності і предметним світом. Описуються відмінні способи їх існування. Звертаючись до символів спортивних і культурних ігор, аналізується наслідок допуску онтологічної абстракції існування. Виводиться конструктивний і примарний способи реалізації людини, як мислячої сутності.*

Ключові слова: *інший простір, сутне, емпірія, діяльність, предметність, гра, грок.*

Oblova L. Metaphysics of another space. *The article explores the metaphysical element of another space. The author distinguishes between the world of activity and the world of objects. Different ways of their existence are described. Through an appeal to the symbols of sports and cultural games, the effect of the admission of an ontological abstraction of existence is analyzed. Constructive and fake ways of realizing a person as a thinking creature are deduced.*

Key words: *another space, something, empiricism, activity, objectivity, game, player.*

Сфера *нечто* – предмет пристального внимания метатеоретиков – особое пространство, в котором находятся нравственные рычаги формирования человеческого. Здесь заходит разговор о проявлении абсолютности на личностном усилии и влиянии произвола на сознание человека. То есть, об особой топологии безусловности – выходе к «невозможному». Сфера *нечто* говорит предельными понятиями. Теми, которые М. Мамардашвили называл самоосновными [1, с. 31]. А М.Хайдеггер экзистенциалами. Прежде всего, ведя речь особым образом, в ней вопрошают об ином мире.

Существует ли действительно иное пространство – вопрос, встающий перед тем, кто уже находится под действием «другого мира» в себе. И, мысля свою мысль, устанавливает связь с вневременным. Соответственно так укрепляется существом законно существующим. Собственно говоря, как только человек задумался об основании

сверхчувственного мира, так уже «крутится» в его существовании. Поэтому, даже если сомневается, то неизбежно в пределе не эмпирического мира.

Возможность мыслящего существа допускать существование того, чего нет – отсутствующего или начального действия – особенная. Она обозначает различие мира деяний и мира объектов и тем самым показывает в человеке нечто не показательное. Философ скажет, проявляет *нечто*. Значит, пока человек не введёт в присутствие собственно отсутствующее – живёт в мире без деяний и, в сущности, не живёт, а «проживает». Можно сказать хайдеггеровским языком, что остаётся в «рамке» и не выходит в предельность. Рассуждая об основании, философ пишет, что: «рамки и границы – это не одно и то же. Обычно мы полагаем, что границы суть то, около чего нечто прекращается. Но границы – согласно древнегреческому смыслу – всегда обладают характером собирания, а не отрезания. Граница является тем, исходя откуда и в чем нечто начинается, распускается в качестве того, что оно есть. Тот, кому такой смысл границы остается чуждым, никогда не будет способен рассматривать греческий храм, греческую статую, греческую вазу в их присутствии» [2, с. 127]. Значит, само отсутствующее, несмотря на то, что оно *само*, без человеческого усилия выдумывается, но не бытийствует.

Итак, чтобы человеку утвердить себя человеком, необходимо оказаться в разломе двух миров и пытаться улавливать разные способы их существования. Приходится понимать, что разница в «собственном». То есть она хранится в том, что эмпирическое пространство, заключая характерное для себя, так же как и иное пространство, содержащее характерное для себя – содержат разное. В смысле, «другой мир» – предельный – отличается *эффектом содержания*.

Сущее существует не потому, что возник «суетящийся» (оно остаётся собой и во время усталости или сна озабоченного насущным) а потому, что сковано объективным положением вещей. При этом независимо от фактичности своей установки, сущее «оживает» (вернее сказать «питается») только при таком существе, которое в состоянии обеспечивать своё проживание. Вне человеческого беспокойства сущее – фантазм.

В ином мире всё иначе. Он существует не потому, что сущее его содержит, а потому, что беспорядочнодвигающий себя человек останавливается и испытывает другое. При этом сам застрявший в повторении всегда может выйти из его водоворота – в любой момент совершить разрыв постепенности. Каждый «мятежник», даже не прошедший опыт дискретности – изначально другой. Поэтому, иной мир существует на основании всегда существующего, но не содержащегося другого – должного.

Скажем, что отличие иного мира от эмпирии в том, что, будучи не раскованным субъективным, он не скован объективным.

Значит, эмпирия без хлопот и опасений отсутствует, а *иное* без забот присутствует. Сущее, содержа беспокойство, не совпадает с иным пространством, *содержащим то, что содержит беспокойство*. И понимание человека «другим» предрешиено допущением мира «самости», то есть собственным трудом введением места определенному человеку. Только в силу занятости своего места – это существо и есть человек. Но не потому, что объективное положение вещей ему это надиктовало.

Объективность происходящего не воздействует на бытие человека. Не осуществляет его как личность. Он сам определяет свою «определённость» на основании неопределённости. Но, никак не исходя из содержания пережитого. То есть, его значимость рассматривается как собственная сущностная сила. Значит, из наглядности не устраним элемент собственного решения человека. Так же, оно не сводится к эмпирии. И хоть иной мир ограничивает человека зависимостью, выросшей из собственного сущностного решения (осуществляется, не зная как осуществиться), он свободно начинает независимое осуществление себя. Тем самым осуществляется и эмпирия. Наглядность преломляется под действием свободно осуществляющего человека.

Достаточно трудно ломающаяся эмпирия ограничивает свободно определяющееся существо объективным положением вещей (характерным для себя). Предоставляет возможность действовать, зная, что делать для осуществления. И не задумываться о том, кто и как добыл знание, которое сейчас легко вручить следующему человеку. Нельзя сказать, что наглядность мешает человеку двигаться к истинному себе. Вернее, не учитывает человека, поскольку он мыслящее существо, вообще.

Обращаясь к примеру игры, заметим, что разрыв самой игры (содержательного элемента) и игрока (формального элемента) безусловен. Это не раздвоенность одного мира (например, мира деятельности) пополам, а необходимость сосуществования двух абсолютно противоположных пространств. Когда один без другого невозможен, но и не зависим друг от друга. Конечно, игроки есть, так как существует игра, а игра есть, так как в неё играют. Только игра, предполагающая игрока, ничего не знает о том, что, прежде всего, игрок должен существовать. И существование самой игры возможно не потому, что игрок владеет правилами игры, а потому что он есть. Сначала бытие. И уже в нём правила и тренировки. Именно поэтому игра, которая регламентирована собственными условиями, никогда не повторяется и всегда непредсказуема.

Итак, игра – будучи символом наглядного мира, не зависит от игрока – выступившего символом тоже наглядного мира. Но не только наглядного, но ещё и иного. Так же и игрок, не зависит от только наглядного мира – игры. Без, например, футболиста футбол – абстракция, но не футболист отличает футбол от хоккея – то есть определяет футбол футболом. Условно, футболист может сыграть и в хоккей. Так же, без существования футбола, футболист будет кем угодно, но не футболистом. Футбол утверждает футболиста футболистом. При этом футболист не перестаёт быть футболистом и тогда, когда игра не играется.

Таким образом, между футболом и футболистом (или студентом/университетом, или Аристотелем/«Метафизикой») нет преимущества. Но в тоже время, футболист обеспечивает существование футбола, именно на основании того, что его существование начинает и структурирует существование футбола. Первопричинность существования игрока несёт собой причину определённой игры, а так же имеет своим следствием условия, по которым происходит игра. То есть, правила игры – только следствие налаженной игры. И будучи обусловленной правилами, игра не способна быть началом своей деятельности. Игрок – виновник и участник игры. Но будучи «зачинщиком», он никогда не после игры. Не следует за ней. Поэтому и текст – вслед автору, который вслед

существованию вообще. И школа – за учеником, который, прежде всего мыслящее существо.

Нельзя сказать, что существование – человек – созданное (воссоздающееся) это иерархия. Здесь нет расчёта на «первый – второй». Это только последовательность «из середины» (зазора неопределённости), которая предустановлена, и которую невозможно нарушить в силу её чистоты. Когда Мамардашвили говорил об онтологическом допущении полного мира, заметил, что «задача то наша бесконечна, но в каждый данный момент мы действуем, не имея возможности знать всё относящееся к делу, всё жизненно важное для успеха или неуспеха нашего дела; мы даже себя не можем собрать по всей тысяче осколков зеркала, на которые мы разбиты в каждый данный момент времени... в каждый данный момент мы (или важная для нас часть) существует в других, определённых и далёких от нас местах, и мы не знаем об этом, и траектория нашей жизни задаётся нашей возможностью собирания уже существующей относительно нас самих истин» [1, с. 151-152]. Поэтому, человек «в роли» – не следствие онтологической абстракции существования. Так же, как и созданное (определённость, организованная для вступления в неё с целью соответствия своему выбору) не предназначение играющего. Человек в своей реализации (о-сознании) – цель существования вообще. А всё обусловленное – уже неизбежное следствие (фактичность) осмыслений и реализаций человека.

Заметим, что существование всего обусловленного правилами, поддерживается соблюдением самих этих условий. Исполнительным участником. А существование «послушника» требует от него не быть так, как уже был. То есть, поддерживается необходимостью иного – бытием начала причин своего участия в игре. Поэтому, соблюдение правил следует за невозможностью выполнения основания правил. Повторение – вслед существующему неповторимо. И учитывается уникальностью.

Участие человека в определённой игре, уже собой предполагает событие занятости в играх. Существующая последовательность происходящего есть ради участия человека в нём. Поэтому разный, пусть, футбол, не смотря на то, что он неизменно есть собой, не только возможен, но и обязателен. Руководствуясь правилами, футболисты всегда играют другой футбол. И никогда не сыгранный.

Сама возможность того, что в игре можно участвовать, организовывать её – есть характеристика того мира, относительно которого эта игра устраивается. Игрок не может принимать участия в игре, которая не предполагает игрока. В неосмысленной деятельности. Если бы существовали игроки, которые должны были бы участвовать в игре, которая их не учитывает, тогда они были бы не игроками. Действовали бы вне игры и сами бы стали «игрой». Поэтому человек участвует в работе сферы *нечто*. Он сначала мыслит то, что станет причиной игры. Будучи тем, что удерживается на собственных основаниях, *нечто* не будет без участия того, кто не может существовать без «самоосновного».

Итак, где же и когда осуществляется *нечто*? Верно, что нигде и никогда. Куда не глянь, каждый раз играет какая-то игра. Кто-то что-то исполняет. Мы без помех видим футболиста, писателя, учителя, так как смотрим на человека глазами тех правил, которые разрешили ему исполнять определённую роль. При этом не думаем о том, что каждый,

скованный определённой ролью, совершает то, что совершает «по-своему». Ведёт мяч, урок, текст не так, как это было в прошлом, а всегда из другого места. Не одинаково. Правила, внешне объединяют людей в «группы» и условно дают понимание их занятости. Но в сущности, все объективно объединённые, различены до принятия условий проведения мероприятий. То есть, в каждом участнике есть *нечто* показывающее его «неустроенность».

Значит, футболист, учитель, писатель сам себя погружает в определённую деятельность. Верит, что ему это под силу. Только создав «дополнительное поле» из неопределённости, «вспыхивает» в сфере *нечто*. Сначала видит смысл деятельности, и уже потом смотрит на происходящее «со стороны» – замечая с одной стороны игру, а с другой игрока.

Можно сказать, что иное пространство должно устанавливаться в качестве такового. Но, прежде своего «случания», оно самостоятельно понимается, переживается, мыслится. И утверждает не правильно/неправильно мыслящего, а любую мысль. Ту, которая создаёт интерес не одинаковости, «не потребляемости» – независимости от остального. В эмпирии иное пространство не существует и, будучи искусственным произведением человека, само является формализмом, позволяющим мыслящему быть другим относительно того, кем и каким он уже оказался.

Символ игры показал, что человек и действительность различены. Как различены существующая игра и существующие участники. Не имеет значения тот факт, что игроки разделены по сторонам (определены соперничать). Это условность, вызванная установленными правилами. Поэтому соперники могут менять стороны – становится из союзников противниками. И сами заменяемы. При этом люди, находящиеся по разные стороны, играют в общую игру. Текущую и конкретную. И вообще её проводят, так как существуют в действительности (не иллюзорны). Есть в том пространстве, для которого правила не устанавливаются, но внутри которого такое установление уже возможно.

Там где существует условное различие, там возникают ситуативные состояния. Сегодня человек за этих, а завтра за тех. Почему так? Потому, что когда я за этих, закончиться, например, война. А мне еще хочется воевать. И я не стану за тех. Или, потому что те – платят. А я нуждаюсь и не буду за этих. В таких решениях человек мотивирован частным интересом. И связан предметом мотива. Соответственно, внутри наличествующей игры, люди не прикасаются к происходящему вообще (к здесь и теперь). А на уровне безусловного различия существует запрет на переход на другую сторону. Человек обречён оставаться «на месте» (положении игрока), так как причины (заинтересованности) в смене положения отсутствуют. А предмет заинтересованности невидим. Есть только основание на пересечение, но случается это единожды и безвозвратно. Соответственно, человеческая сущность (каждый игрок) и происходящее вообще (любая игра) различены не корыстью, а собственно иным пространством. Точно говоря, эффектом его содержания – существованием.

Разница условных и безусловных различий открывает не только основательность сферы *нечто*, но и отличает настоящую и поддельную игру. Скажем, футбол есть благодаря футболисту, а не штангисту, но только такому, который не назначен тренером, а сам себя поместил на место футболиста и понял, что он таковой. Мало умеючи бегать

по полю, быть в форме, соблюдать правила, желать получить премию за победу. Прежде всего, создаёт футбол тот футболист, который прикладывает усилия по сохранению бесконечной игры. Исходящий из сознания, что игра будет не такой, какой уже была, а такой как всегда – другой. И пусть многое, но не всё от него зависит.

Значит, в настоящей игре, игрок избыточен и осуществляет разрыв связи с той игрой, в которую сейчас играет и участвует в принципе (принципиально участвует). Он, в потоке всегда разных игр (множества форм деятельности) удерживает ту, которая не изменяется ни при каких условиях и участниках. Ведя создающуюся игру, ведомый «самоосновным», не блокируется проигранной игрой. Всегда способен начать «проигрывание» заново. Без страха или жажды определённого завершения.

Таким образом, человек существует, а не «проживает» (вмещает) в мире тогда, когда участвуя в какой-то игре, ведёт вечную деятельность. Видит за временным процессом – иное «движение» и сам содержится происходящим вообще. Конечно, футбол повторим и не вечен. А сыгранный матч не повторить и он остаётся неизменным. Но сыграть ещё раз можно не состоявшийся, а только тот футбол, который ещё не сыгран. Повторение последующей игры происходит на основании того, что она ещё и неповторима. В опоре на вечность, а не по причине её воплощения. Умение различать повторяемость по праву бытия (возможности всё ещё быть) и неповторяемость по причине сыгранности (прошедшего) – предельная возможность существующего человека. Повторять то, что не поддаётся повторению и при этом не калькировать, а творить – это и есть действительность иного пространства.

Таким образом, поддельную игру, которую можно проводить искренне, отличает отсутствие сознания. Соответственно, в ней не будет различия между существованием изложения и самим изложением (содержанием материала). Она состоит из отрезков, этапов и не имеет «полного мира». Не содержится «высшим», но содержит. Поэтому в ней неизбежно будет присутствовать унижение человека. Здесь стоит вспомнить уже не спортивную, а культурную игру. На поле труднее уловить обман.

Когда режиссер выражает себя через постановку, которая приносит оскорбление, а значит, уже есть существа, возникшие в качестве оскорблённых, его можно назвать преступником. А сам спектакль уликкой. Только это будет не совершением чего-то запрещённого определённым обществом, а действием, нарушающим другой закон – закон иного пространства.

В повторении того, что поддаётся повторению (ушедшего), нет силы даже на повторение неповторимого (грядущего). И такой создатель не осмысливает того, что начинает действовать в качестве причины. А значит, само *нечто* и не срабатывает на начало. Выходит, что следствий «понимательности», разумности мыслящего существа не может быть. Так что же смотрит человека как зритель во время проведения таких постановок? Скорее всего, слепленные обрывки историй, за которыми ничего не видно. И, собственно, видение того, что за показанным ничего не стоит и наносит удар по достоинству. Ограничение человека миром объектов и недопуск его существа к миру смысла, есть запуском преступления и критерием поддельной игры.

Итак, спектакль, который создаёт человека и тот, который создаётся человеком – разные образы деятельности, в том смысле, что первый не деятельность вообще. Это

предметная площадка для захвата человеческого «покоя» и сведения разных к одному. Или постановка, которая описывает мертвечину вызова впечатлений. Такие «вещи» «строятся» без переживаний, понимания и выяснения путей необходимости человека действовать во времени. Поэтому показывают мир представлением, а человека существом, ничего не производящим своим существованием.

Литература:

1. Мамардашвили М. Вильнюсские лекции по социальной философии: (Опыт физической метафизики) / М. Мамардашвили – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012, – 320 с.
2. Хайдеггер М. Положение об основании / М. Хайдеггер [электронный ресурс] // Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000998/st000.shtml>

УДК1(091) 167/168:17.02

Дорофеева Е.О.

Національний педагогічний університет імені М. П. Драгоманова

ТРАНСФОРМАЦІЯ НАУКОВОГО ЕТОСУ СУЧАСНОГО ВЧЕНОГО ПІСЛЯ АВАРІЇ НА ЧОРНОБИЛЬСЬКІЙ АЕС

У статті розглядається трансформація етики науковців у сфері ядерної безпеки після аварії на Чорнобильській АЕС. Розглянуто вітчизняний та міжнародний контекст ядерної етики. Досліджено міжнародні документи МАГАТЕ та вітчизняне законодавство з метою визначення основних етичних принципів та прав людини, що були сформульовані після Чорнобильської катастрофи задля гарантування суспільству ядерної та радіаційної безпеки. Проведено філософський аналіз таких явищ, як інформування суспільства, культура безпеки, управління знаннями та захист довкілля.

Ключові слова: *Чорнобильська катастрофа, ядерна етика, ядерна безпека, культура безпеки, МАГАТЕ.*

Дорофеева Е.О. Трансформация научного этоса современного учёного после аварии на Чернобыльской АЭС. В статье рассматривается трансформация этики ученых в сфере ядерной безопасности после аварии на Чернобыльской АЭС. Рассмотрены отечественный и международный контекст ядерной этики. Исследованы международные документы МАГАТЭ и отечественное законодательство с целью определения основных этических принципов и прав человека, которые были сформулированы после Чернобыльской катастрофы для обеспечения обществу ядерной и радиационной безопасности. Проведено философский анализ таких явлений, как информирование общества, культура безопасности, управления знаниями и защита окружающей среды.

Ключевые слова: *Чернобыльская катастрофа, ядерная этика, ядерная безопасность, культура безопасности, МАГАТЭ.*